

На правах рукописи

Виноградов Сергей Николаевич

**Знаково-интерпретационный аспект
русской лингвистической терминологии**

*Специальности 10.02.01 – Русский язык
10.02.19 – Теория языка*

*АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук*

Нижний Новгород - 2011

Диссертация выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Гречко Виктор Александрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Иванов Андрей Владимирович
(г. Нижний Новгород)

доктор филологических наук, профессор
Хашимов Рахим Ибрагимович
(г. Елец)

доктор филологических наук, профессор
Чернова Светлана Владимировна
(г. Киров)

Ведущая организация фГОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 19 мая 2011 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

И.С. Юхнова

Внимание исследователей к анализу научного термина определяется, во-первых, становлением нового типа социальной организации – информационного общества и в связи с этим - развитием информационно-коммуникационных технологий. Во-вторых, тенденция к гуманизации научного знания приводит к необходимости выявления функций термина в лингвомыслительной деятельности человека. Этими обстоятельствами определяется **актуальность работы**.

За несколько десятилетий изучения терминов в них обнаружили свойства, которые сближают их со словами и словосочетаниями общеупотребительного языка, - подверженность семантическим изменениям, неопределённость и размытость семантических границ, зависимость смыслового содержания от условий функционирования. Асимметрия терминологических знаков, проявляющаяся в их синонимии и варьировании, субъективность выбора признаков терминологической номинации и связанная с этим идиоматичность терминологических единиц, степень терминологичности как градуированное свойство, нечёткость терминологической семантики отражены в работах Б.Н. Головина, Р.Ю. Кобрин, В.М. Лейчика, В.Г. Гака, В.А. Гречко, В.Н. Немченко, С.Д. Шелова, М.Н. Володиной, А.В. Лимова, М.В. Косовой и других учёных. Явления, описываемые номинативными единицами «значение», «семантика», не являются элементарными, очевидными и требуют дальнейшего изучения.

Объект исследования в данной работе - научные термины в сфере их функционирования. **Предмет исследования** – русские лингвистические термины в функции знака и результата его интерпретации. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что термины в этой функции наблюдаемы как проявления семиотической деятельности, играют важную роль в научной сфере, позволяют использовать апробированные лингвистические методики.

Материалом исследования являются научные тексты лингвистической тематики на русском языке, выполняющие различные функции в системе коммуникации, - интерпретируемый текст и текст-интерпретация, комментируемый текст и комментарий, определение, пояснение, текст из вузовского учебника и из популярной энциклопедии и т.д. Основу исследования составляют 6 текстов различных жанров научного стиля, посвящённые понятиям морфемы и части речи. Задачи исследования требуют подсчитать частоты всех повторяющихся слов, сравнить повторяющиеся и неповторяющиеся слова с точки зрения их терминологичности и информативности для указанных текстов. Общее количество словоупотреблений в данных текстах – около 2500, количество слов и словосочетаний, повторяющихся не менее двух раз – 470. Для сравнения привлекаются тексты вводной части из двух учебников по введению в языкознание и стихотворные тексты, различные по речевому стилю. Во всех текстах анализируются лексические повторы с точки зрения их семантики и информативности для выражения основного содержания текста.

Цель исследования - изучение терминологии в знаково-интерпретационном аспекте, т.е. изучение терминов как знаков и как результатов их интерпретаций, на материале русской лингвистической терминологии. Для достижения этой цели решаются следующие **задачи**:

- 1) характеристика понятия интерпретации и описание соотношения знака и результата его интерпретации в интерпретационном акте (И-акте);
- 2) выявление специфики научного термина как знака и как результата его интерпретации;
- 3) изучение онтологических свойств выражаемого термином научного понятия на основе деятельностного подхода;
- 4) выявление закономерностей соотношения между знаком и результатом его интерпретации в научной деятельности;
- 5) демонстрацию знаково-интерпретационных свойств терминов на материале русских лингвистических текстов, содержащих термины «морфема» и «часть речи».

Методологической базой исследования являются принципы объективности существования языка (в частности, объективности существования идеальной стороны языкового знака), наблюдаемости языка и его функционирования, деятельностного характера и системности объекта предпринятого лингвистического исследования. Данные принципы представлены во многих лингвистических, философских и психологических трудах (И.А. Бодуэн де Куртене, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Л.С. Выготский, Б.Н. Головин, В. Гумбольдт, Т.М. Дридзе, Э.В. Ильенков, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня, И.М. Сеченов, В.М. Солнцев, Ф. де Соссюр, Ю.С. Степанов, Н.С. Трубецкой, Л.В. Щерба и др.). На основе указанных принципов в диссертации осуществляется ряд разграничений – материального и идеального, социального и индивидуального, языка и мышления, объекта исследования и средства описания, объекта и предмета изучения.

В работе используется описательный метод исследования, который предполагает применение методик наблюдения, описания, сопоставления, речевой дистрибуции, количественного описания, структурного моделирования. Разработаны основные черты методики анализа интерпретаций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интерпретация знаков представляет собой специфическую деятельность коммуникантов, предметом которой являются сами знаки, а в результате возникают материальные объекты различной природы. Так, результатами интерпретации терминов как знаков являются различные экспликации их содержания – экспоненты других терминов, материальная сторона научных текстов, воплощённые в звуковой, письменной или иной форме.
2. Одним из важнейших видов интерпретации является установление инварианта. В связи с противоречивостью трактовок инварианта в лингвистической литературе это понятие уточнено следующим образом: инвариант носит операционный характер и понимается как выраженный материально результат обобщающей деятельности коммуниканта – не только исследователя-лингвиста, но и рядового носителя языка.
3. Соотношение знака и результата его интерпретации моделируется в тексте двучленной структурой синтагматических последовательностей – предложений, словосочетаний, производных слов и других линейно организованных элементов текста.

4. В связи с тезисом об объективности существования идеального, понятие рассматривается как мыслительное образование, существующее объективно, неразрывно связанное с человеческой деятельностью и участвующее в разрешении проблемных ситуаций. Оно обладает свойствами выраженности, заключающейся в обязательном наличии материального (языкового) средства его выражения, и гипотетичности, обнаруживающейся в наличии разных способов выражения одного и того же понятия, благодаря чему эксплицируются различные суждения о его признаках.

5. Элементы структуры и содержания интерпретируемого знака-термина частично эксплицируются в результатах его интерпретаций, что делает возможным использовать эти результаты при описании плана содержания терминов.

6. Повторяющиеся термины выражают основное содержание текста, причём важность этих терминов для выражения текстового содержания находится в прямой зависимости от сложности их языковой структуры. На этих закономерностях основывается методика выдвижения и обоснования гипотез о понятийном содержании и смысловой близости элементов научного текста.

7. На основании анализа видов деятельности с использованием лингвистических текстовых единиц выделяются следующие структурные виды интерпретаций: лингвистический факт – текст, лингвистический факт – термин, термин – термин, термин – текст, текст – термин, текст – текст, текст – лингвистический факт, термин – лингвистический факт (предполагается, что тексты и термины относятся к сфере лингвистики).

Новизна работы состоит в анализе мало изученного аспекта знаковой ситуации, в выделении и описании такого свойства понятий, как их гипотетичность, в исследовании структуры составных элементов знаковой деятельности на материале русских лингвистических текстов и русской лингвистической терминологии. Впервые получены классификации интерпретационных актов и их текстовых моделей на базе функционирования русских лингвистических терминов. Впервые научно-информационная деятельность рассматривается с использованием понятия интерпретации знаковых единиц – терминов и научных текстов, содержащих термины. Создана методика анализа интерпретаций знаков, обслуживающих научную сферу деятельности, на основе количественно-структурных свойств элементов научного текста – слов и словосочетаний.

Теоретическая значимость диссертации определяется использованием знаково-интерпретационного подхода при изучении термина, что, во-первых, связывает исследование с проблемами семиотической деятельности, во-вторых, обеспечивает наблюдаемую материальную основу для выводов о свойствах плана содержания терминологических единиц, в-третьих, позволяет предложить новые решения некоторых проблем, при разработке которых обычно используются относительно традиционные методы. Диссертация содержит новые решения некоторых проблем формализации лингвистического описания и моделирования языковой деятельности. Сфера применимости методики анализа интерпретаций шире, чем область научных терминов, и охватывает функционирование языка в других стилях, жанрах, при решении других коммуникативных задач.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что её результаты могут использоваться в научно-информационной деятельности, в создании человеко-машинных систем обработки текстовой информации, в изучении объективных основ психологии познавательных процессов. Положения, примеры и выводы данного исследования могут найти применение в курсах по современному русскому языку и общему языкознанию, терминоведению, семиотике, прикладной лингвистике.

Апробация исследования. Основные положения и результаты работы были представлены в публикациях и выступлениях на лингвистических конференциях: IX научная конференция молодых учёных и специалистов Волго-Вятского региона (Горький, Горьковский государственный университет, 1989), 2-ая региональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной русистики» (Арзамас, Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П.Гайдара, 1994), Межгосударственная научная конференция, посвящённая 80-летию проф. Б.Н. Головина (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1996), Международная конференция «Освоение семантического пространства русского языка иностранцами» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 1997), Международная конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, Владимирский государственный педагогический университет, 1997), Международная научная конференция «А.С.Пушкин и русский литературный язык в XIX – XX вв.» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 1999), Научная конференция вузов Нижегородской области «Актуальные проблемы современной филологии», посвящённая 70-летию со дня рождения М.А. Михайлова (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2000), Всероссийская научно-практическая конференция памяти В.И. Чернова «Актуальные проблемы современной русистики» (Киров, Вятский государственный педагогический университет, 2000), Международная научная конференция, посвящённая 85-летию проф. Б.Н. Головина «Теория языкознания и русистика: Наследие Б.Н. Головина и современность» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2001), Пятая межрегиональная конференция «Наука и повседневность: коммуникация, междисциплинарность, металингвистика» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2002), Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета «Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы» (Казань, Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова, 2004), Научная конференция, посвящённая 80-летию проф. Н.Д. Русинова «Русский язык: история и современность» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2004), Международная научная конференция «Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2006), Международная научная конференция «Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Чело-

век. Концепция. Текст» (Москва, НИВЦ МГУ, 2007), Международная научная конференция «Русская словесность в контексте мировой культуры» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2007), Международная научная конференция «Языковая семантика и образ мира» (Казань, Казанский государственный университет, 2008), Международная научная конференция «Язык, литература, культура и современные глобализационные процессы» (Нижний Новгород, 2010).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения. Текст работы включает 15 рисунков и 11 таблиц. Список литературы содержит 427 наименований.

Основное содержание работы

Во **введении** характеризуются объект и предмет исследования, материал исследования, указываются цели и задачи исследования, обосновываются актуальность, теоретическая значимость, практическая ценность, новизна работы. Формулируются положения, выносимые на защиту. Поясняются методологические принципы исследования (принципы объективности, наблюдаемости, деятельности характера и системности объекта исследования) и основанные на этих принципах разграничения материального и идеального, социального и индивидуального, языка и мышления, объекта изучения и средств описания, объекта и предмета исследования).

В **первой главе** «Знак и его интерпретация» рассматривается ряд основных понятий работы – знак, интерпретация знака, результат интерпретации, инвариант – и их соотношение с понятиями языковой системы и текста.

Одна из основных идей семиотики – представление о знаке как сложном образовании, в котором взаимодействуют объекты различной природы. К ним относятся, в частности, 1) материальная сторона знака (его план выражения, означающее, экспонент), и 2) материально выраженный результат его интерпретации, которые являются внешним проявлением интерпретационного акта (И-акта). Обязательное наличие материального результата интерпретации вытекает из общеметодологических предпосылок: человеческая деятельность непременно имеет результат и/или какие-либо внешние проявления. Термин «интерпретация» многозначен и входит в понятийное поле таких слов обыденного языка и терминов логики и лингвистики, как значение, характеристика, понимание, понятие и многие другие*. Интерпретацию как необходимую составляющую знаковой ситуации рассматривали в своих работах Ч. Пирс, Ч. Моррис, Э. Бенвенист, В.З. Демьянков, К.А. Долинин, Е.С. Кубрякова и другие учёные. Однако отношению между знаком и результатом его интерпретации в науке до сих пор уделялось недостаточно внимания. Примеры соотношения двух вышеназванных объектов многочисленны и разнообразны: слово и его толкование, художественный текст и критический отзыв, замысел писателя (воплощённый в материальных формах) и текст художественного произведения, термин и дефиниция соот-

* Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 40.

ветствующего понятия и т.д. И экспонент знака, и результат интерпретации могут быть объектами любой материальной природы, что обусловлено обилием разновидностей знаков. Надо учитывать, что свойство «быть знаком» является градуальным, что знаки можно расположить на определённой шкале по степени нарастания семиотических свойств*. Поэтому выведение индексальных и иконических знаков за пределы объёма понятия знака представляется слишком категоричным.

Во многих случаях интерпретируемый знак и результат интерпретации наблюдаются как единицы языка – слова, словосочетания, предложения. Качественное различие между элементами И-акта определяется характером их отношений в знаковой ситуации: знак в пределах И-акта интерпретируется, результат интерпретации – нет. Однако в последующей деятельности результат интерпретации в свою очередь может быть интерпретирован и выступать в роли знака в другом И-акте. Следовательно, признаки «быть знаком» и «быть результатом интерпретации» носят относительный характер. Материальный объект становится знаком или результатом интерпретации в зависимости от его места в знаковой ситуации (семиозисе).

По отношению к И-акту существуют по крайней мере два вида интерпретаторов. Первый интерпретирует знак и является участником И-акта (сокращённо Участником), второй наблюдает эту деятельность, её средства и результаты со стороны и в свою очередь интерпретирует её. Второго интерпретатора назовём наблюдателем И-акта (сокращённо Наблюдателем). Эти два различных отношения интерпретаторов к И-акту соответствуют различию механизмов осуществления деятельности и контроля за этим осуществлением. Участник и Наблюдатель не обязательно являются разными лицами. Обычно Участник легко может стать на позицию наблюдателя собственных действий и выразить результаты этого наблюдения в последующей деятельности в виде нового результата интерпретации.

Понятия Участника и Наблюдателя отражают различные уровни интерпретационного процесса. Таких уровней может быть, вообще говоря, больше двух. Поэтому структура И-акта, как правило, не двучленна, а представляет собой цепочку, в которой каждый промежуточный элемент имеет двойственную природу – является результатом интерпретации по отношению к предыдущему элементу и знаком по отношению к последующему. Многоэтапность интерпретации отражается в различных схемах и моделях, объясняющих лингвистические факты и явления (например, модель соотношения между словом, предметом и их образами в сознании, схема треугольника Г. Фреге и другие).

Очевидно, что познавательная деятельность неотделима от интерпретации, истолкования явлений. В познавательной деятельности результат интерпретации имеет двойственную природу (аналогично двойственной природе этого объекта в цепочке интерпретаций). С одной стороны, результат интерпретации может рассматриваться как объективно существующее явление, с другой – как форма отражения действительности познающим субъектом.

* Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С.Степанов. – М.: Наука, 1971. – С. 82 – 83.

Таким образом, интерпретация – специфическая деятельность, осуществляемая человеком с использованием знаков, ведущая к возникновению объектов – результатов данной деятельности, которые в определённых условиях также могут стать знаками. Если исходить из интерпретации как непосредственно наблюдаемого, наглядного явления, то можно дать следующее рабочее определение знака: знак – материальный объект, который интерпретируется, подвергается интерпретации. Такое понимание знака можно назвать функциональным, поскольку интерпретация знака осуществляется в процессе его функционирования, и реляционным, потому что интерпретация предполагает отношение в пределах некоторой системы.

Среди разновидностей интерпретаций одно из важнейших мест занимает установление отношения тождества или подобия. Наблюдатель И-акта воспринимает интерпретационную цепочку из двух или более элементов, устанавливает тождество или подобие этих элементов и создаёт результат своей интерпретации (например, высказывание), отражающий это тождество или подобие. Данный результат выражает инвариантные свойства элементов И-акта, поэтому интерпретация, осуществляемая в данном случае Наблюдателем, может быть названа инвариантной, а её результат – инвариантом. При таком понимании инвариант не существует изначально в интерпретируемых объектах, а возникает в результате деятельности Наблюдателя. Причины возникновения инварианта коренятся в некоторых свойствах интерпретируемых элементов И-акта, а сам инвариант – семиотическое явление, продукт и средство абстрагирующей, классифицирующей деятельности сознания.

Использование термина «инвариант» в лингвистике не отличается чёткостью. В частности, неоднозначно трактуется онтологический статус этого объекта (является ли он идеальной сущностью, материальным образованием или единством того и другого). Уточнение соответствующего понятия, предпринятое в данной работе, заключается в том, что инвариант носит операционный характер, то есть возникает в результате некоторой деятельности, и является материальным объектом. Отсюда следует, что установление инварианта приблизительно, субъективно, поскольку отражает представление Наблюдателя о тождестве – представлении, которое лишь частично соответствует отражаемой действительности.

Инвариант возникает при интерпретации синонимического ряда (синонимы функционально могут рассматриваться как интерпретации друг друга, т.е. как элементы интерпретационной цепочки), вариантов и употреблений одного и того же слова, записи слова и его толкования, звуко-буквенных соответствий, знака-признака и его отражения в слове, формулировании семантического компонента, общего для ряда слов. По-видимому, справедливо утверждение, что словесный знак в принципе предназначен для выполнения роли инварианта, поскольку отражает общность (тождественность или подобие) множества интерпретаций.

Инвариантные интерпретации играют большую роль в становлении и функционировании системных отношений в языке. При характеристике языковой системы к общенаучному пониманию системы как целостного объекта, со-

стоящего из элементов, находящихся во взаимных отношениях^{*}, следует добавить её функциональный характер, т.е. взаимосвязь элементов самим условием функционирования системы^{**}. Система интерпретаций также является функциональной. Её элементы – знаки, результаты их интерпретаций, интерпретационные цепочки, а связи и отношения – отношения интерпретации между объектами А и В, описываемые высказываниями «А является результатом интерпретации В» и «В интерпретируется с помощью А».

Обсуждение проблем языковых знаков началось в истории науки не с собственно лингвистической, а с общесемиотической точки зрения, поэтому основные понятия теории знаков разрабатывались на основе формализованных логических языков^{***}. Моделирование естественного языка с помощью искусственных языков, которое можно назвать формально-логическим редукционизмом, абстрагируется от существенных свойств моделируемого объекта. К таким свойствам относятся отсутствие исчерпывающего описания системы естественного языка и невозможность использования его средств в полном объёме в процессе его функционирования. Можно истолковать эти свойства как проявление качественного своеобразия системы естественного языка по сравнению с его моделями. Между системой языка и отдельными знаковыми системами на её основе существует не отношение «целое – часть», а отношение «механизм деятельности – её средство и результат». В частности, система языка относится к системе интерпретаций как механизм деятельности к самой этой деятельности и её результату. Механизм деятельности имеет материальное воплощение в виде структур мозга, физиологических процессов и т.д. и выступает в представлении носителей языка в виде организованного единства, выполняющего функцию общения. Сама же деятельность предполагает непрерывную интерпретацию знаков и порождение её результатов, которые в свою очередь интерпретируются и потому сами являются знаками. В итоге такой деятельности возникает конгломерат знаковых систем, в который входят системы знаков и результатов их интерпретаций. При таком понимании соотношения языка и системы интерпретаций возникает проблема границ объекта изучения, вычленение подсистемы из данного конгломерата. Это вычленение тесно связано с задачами исследования, со сферой функционирования языка и с возможностями его использования в конкретной коммуникативной ситуации.

Знак вещи – это модель вещи, повторяющий отношения, царящие в самой вещи^{****}. Наиболее общепринятым в лингвистике является понимание модели как искусственно созданного лингвистом реального или мысленного устройства, имитирующего своим поведением поведение какого-либо другого устройства в лингвистических целях (см. работы Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Р.Г. Пиот-

* Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Недра, 1977. – С. 14.

** Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – С. 242.

*** Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1972. – С. 98.

**** Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 216.

ровского, И.И. Ревзина и других представителей формально-структурного направления в языкознании). В диссертации принято более широкое понимание модели: её создаёт не только лингвист-исследователь, но и любой интерпретатор, отражающий в своей интерпретации структуру интерпретируемого объекта. В этом проявляется моделирующая функция языка. Под знаковой моделью (для краткости – моделью) будем понимать результат интерпретации, обладающий структурным сходством с моделируемым знаком. Как и всякий результат интерпретации, модель выражена материально, имеет пространственную и временную протяжённость.

Универсальным средством моделирования языковых процессов, в частности И-актов, является текст. Внешняя сторона текста, воспринимаемая коммуникантами, – это линейная или временная последовательность экспонентов знаков. В работе принято, что текст (нечто написанное или произнесённое, интерпретируемое слушателями или читателями) может рассматриваться как знак сложной структуры и может выступать как знак или как результат интерпретации в зависимости от его отношения к другим элементам И-акта.

Причины возникновения материальной стороны текста содержательны: чтобы элементы оказались расположенными в текстовой последовательности определённым образом, необходим ряд мыслительных операций, учёт значений слов, понимание связей между обозначаемыми объектами и номинациями и т.д. Для того чтобы описать, что именно моделирует структура текста, исследователь должен опираться на собственную языковую компетенцию и знания о моделируемом мире. В частности, информация, которую использует исследователь, может быть пресуппозитивной, не обязательно отражённой в структуре текста.

Анализ показывает, что любая синтагма (в сосюрковском смысле), состоящая из двух значимых единиц, является моделью каких-либо И-актов. Так, в двусоставных простых предложениях состав подлежащего соответствует интерпретируемому знаку, а состав сказуемого – результату интерпретации. Например, предложение структуры «А есть В» моделирует следующий И-акт: А интерпретируется как В.

Словосочетание также состоит из двух элементов, отношения между которыми моделирует И-акт. Зависимый элемент словосочетания выражает наличие некоторых свойств предмета (признаков понятия), называемых (выражаемых) всем словосочетанием или его главным словом. Вообще, в словосочетании содержится информация о суждениях, связанных с его возникновением. Например, суждение о том, что морфемы являются (или могут быть) единицами языка, выражается в наличии словосочетаний «морфемы современного русского языка», «морфемы языков синтетического типа» и др.

Слово, состоящее из основы и грамматического или словообразовательного форманта, тоже моделирует структуру И-актов. Например, знак, образуемый морфемой «бел», может быть интерпретирован как признак, предмет или действие, и это выражается в образовании производных слов «белый», «белизна», «белеть». Кроме того, можно рассматривать эти слова как модели И-актов «в обратном направлении»: грамматический класс, идея которого выражается в служебных морфемах, интерпретируется основой, выражающей определённое лек-

сическое значение (ср. подобный процесс при конкретизации общего понятия: мебель – это столы, стулья, диваны и т.д.).

Можно предположить, что любое проявление связности между элементами текста присуще какой-либо реализованной в нём модели. Так, повторение слова в тексте отражает тот факт, что употребление слова может интерпретироваться другим его употреблением. При этом моделируется любая интерпретация слова, связанная с его повторением (в ситуациях диктовки, чтения, переспрашивания, повторения приказа, «зубрёжки» и т.п.). Говоря о повторении одного и того же слова, мы имеем в виду инвариант, которым представляются все эти словоупотребления.

Каждое отношение в тексте моделирует, вообще говоря, более чем одну интерпретацию. В процессе функционирования языка возможен учёт различных пресуппозиций в зависимости от уровня языковой компетенции и знаний коммуникантов. Это делает расплывчатыми границы классов И-актов и возможных результатов интерпретации. Очевидно, в тексте существуют синонимические модели, отражающие одни и те же интерпретации. Поэтому отношения между элементами знаковой модели и моделируемой интерпретации нельзя назвать изоморфными или гомоморфными. Эти отношения требуют особого анализа.

Вторая глава «Научный термин как знак и как результат интерпретации» содержит анализ русских научных терминов, выполняющих функции структурных элементов И-акта. При этом рассматриваются основные признаки научного термина, онтологические свойства выражаемого им понятия и специфика лингвистического термина как элемента И-акта.

Термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними*. Согласно этому определению, термином может быть словосочетание любой степени грамматической распространённости. В работах Д.С. Лотте, А.А. Реформатского, А.И. Моисеева, Н.З. Котеловой, В.Н. Прохоровой, В.П. Даниленко, З.И. Комаровой, А.С. Герда, В.М. Лейчика, С.Д. Шелова и других учёных был выделен и проанализирован целый ряд особенностей изучаемых терминов: краткость, однозначность, точность и безразличность к контексту, стилистическая нейтральность, системность, конвенциональность, наличие дефиниции, отсутствие синонимов и омонимов. Результаты, полученные терминологами, свидетельствуют, что перечисленные свойства имеют относительный характер и представляют собой скорее требования к идеальному термину, чем его специфические свойства.

Выяснение сущности термина традиционно велось в плане разграничения терминов и единиц общеупотребительного языка, в частности слов. Исследователи обнаружили расплывчатый характер различий между термином и общеупотребительным словом или словосочетанием. Можно лишь говорить о некоторых тенденциях, отличающих термин от нетермина.

* Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о термине: Учеб. пособие для филол. специальностей вузов / Б.Н.Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 5.

Терминоведение имеет междисциплинарный характер. Для изучения ряда аспектов термина используются подходы и методы психологии, логики, философии, привлекаются данные конкретных наук, являющихся сферой функционирования научных терминов.

В аспекте своих знаково-интерпретационных функций термин может быть знаком, результатом интерпретации или их структурным элементом в зависимости от места в И-акте, входит в состав интерпретационных цепочек (в частности, такими цепочками являются термин и его дефиниция, а также последовательность близких по содержанию текстовых единиц). Как любой знак, термин имеет двойственную природу, являясь в зависимости от точки зрения средством описания действительности или элементом описываемой лингвистической действительности. Свойство термина быть инвариантом аналогично свойствам слов и других номинативных единиц, проявляется в его отношении к обозначаемым предметам (знакам-признакам) и по отношению к его собственным употреблением. Модельные свойства термина также аналогичны модельным свойствам языковых единиц в целом: термин входит в состав предложений и словосочетаний, может представлять собой словосочетание, иметь словообразовательную структуру.

Общепринятым является положение об обязательной связи научного термина с научным понятием. Практически общепринятым является отнесение понятия к сфере мышления. При характеристике понятия следует учесть, что, во-первых, оно обязательно связано с человеческой деятельностью, а во-вторых, существование понятия предполагает наличие проблемной ситуации, проблемы, которая является условием возникновения мыслительного процесса. Между бытовыми и научными понятиями существуют не качественные, а количественные различия в степени существенности отражаемых понятием признаков предмета.

Понятия относятся к сфере идеальных сущностей. Если принять независимость идеального от его исследователя, то объективная реальность охватывает не только виды материи, но включает также и идеальное. Такое широкое понимание объективной реальности принимается многими учёными; ср., например, представление о разных сортах реальности (А.А. Любищев), о системе модусов существования и семиотическом существовании (В.П. Троицкий), о виртуальном существовании идеального (Д.В. Пивоваров). Вопрос об объективности идеального ставится и обсуждается во многих работах по логике, философии и методологии науки (П.Д. Юркевич, Г. Фреге, Н. Хомский, Ю.М. Лотман, Б.С. Грязнов, А.В. Булыгин и др.). При постулировании объективности идеального следует решить вопрос, что именно следует постулировать: только идеальное (как субстанцию или какую-либо иную форму) или вдобавок его свойства (например, протяжённость, движение, структуру). Представляется, что существование идеального как особой субстанции – для лингвиста слишком сильное (в логическом смысле) утверждение. В семантике слова «субстанция» содержатся представления о некоей первооснове или веществе, из которого нечто «сделано». В таком случае существует риск смешать материальное и идеальное, не различить их.

Человек преуспел в первую очередь в научном изучении и практическом освоении материального мира, а не сферы идеального. Естественно, что наи-

больших успехов достигли научные дисциплины, изучающие свойства материальных тел, - количество, массу, пространственную протяжённость, процессы, протекающие во времени, и т.д. Те средства, которые используются в мыслительной деятельности (мозг, органы артикуляции, знаки и др.), тоже материальны. Человек мыслит о предметах, используя модели, наделённые такими свойствами, как количество, вес, структура, протяжённость и т.д. Но наличие таких свойств у идеальных объектов проблематично, и это надо учитывать в лингвистических исследованиях. Например, Ф. де Соссюр в качестве одного из основных свойств знака называл линейный характер означающего. То, что он не говорит здесь о линейности означаемого (понятия), представляется вполне обоснованным, т.к. позволяет избежать неразличения идеального и материального.

Смешение материального и идеального имеет объективные причины, коренящиеся в психофизиологических основах человеческой деятельности. Практическое использование орудий и символические формы деятельности образуют психологическое единство*, поэтому субъект деятельности склонен отождествлять материальные предметы и их идеальное отражение. Это воплощается в языковых процессах (возникновение слов с абстрактным значением на основе названий конкретных действий, употребление слов, обозначающих идеальные сущности, в переносном значении на основе материальных образов). Часто происходят метонимические переносы терминологических наименований с идеальных объектов на материальные (когда, имея в виду значение или понятие, используют наименование материальной «оболочки» знака). В таком случае отождествляются понятие и средство его выражения. В логике возможность такого отождествления обусловлена тем, что логический язык считается адекватным выражением понятий. Однако факты психологии и научной коммуникации обнаруживают ограниченность взгляда о взаимно однозначном соответствии слова и понятия.

В связи с особым модусом существования понятия встаёт вопрос о его наблюдаемости. Понятия принципиально не наблюдаемы в физическом плане, т.е. как тела материального, физического мира. Тогда возникает проблема статуса науки, объектом которой является понятие. Знаки и результаты интерпретации в определённом выше смысле входят в объект индуктивной научной дисциплины, которой является лингвистика. По-видимому, имеются материальные проявления, связанные с понятием и доступные для наблюдения. Одно из них – обязательная *выраженность* понятия каким-либо материальным средством – словом, термином, дефиницией, целым текстом. Другим фактом является *разноименование* в широком смысле слова, включающее языковую и контекстную синонимию, перифразирование, соотношение термина и его дефиниции, текста и его истолкования и т.п. То, что в структурном плане выступает как разноименование, в логическом плане обнаруживается как *гипотетичность* понятия, т.е. возможность высказать о нём различные гипотезы, гипотетические суждения.

Роль гипотезы в познании основывается на том, что в гносеологическом аспекте сознание есть субъективное отражение познаваемого мира и, следова-

* Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 6 / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – С. 26.

тельно, должно содержать в себе предположения, которые могут оказаться верными или ошибочными в итоге практической деятельности. Понятие гипотезы используется и в лингвистике. Всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно (С. Карцевский), т.е. по форме или значению предположительно может совпасть с другим знаком. Стратегии понимания носят гипотетический, вероятностный характер*. Гипотеза может рассматриваться как речевой акт**. Процессы интерпретации протекают как построение и верификация гипотез***. Метафора способна выражать гипотезу, задавая особое направление осмыслению изучаемого объекта****.

Гипотеза обладает следующими свойствами: 1) эксплицированностью (в первую очередь в виде высказываний), 2) наличием другой гипотезы, не совпадающей с первой, 3) степенью доказательности (весомостью, «весом»). В логической и философской литературе гипотеза рассматривается в гносеологическом плане (как средство познания). Но она так же, как интерпретация, может, очевидно, рассматриваться и как онтологическая сущность, потому что любой индивид в своей деятельности создаёт и обосновывает гипотезы. Гипотетичность понятий – одно из их сущностных свойств, образующих особый модус их существования.

Изучение названных свойств понятий перспективно в теоретическом и практическом плане. Во-первых, гипотетичность – это свойство, присущее объекту в разной степени, которую можно попытаться измерить (аналогично вероятности события). Во-вторых, гипотетичность понятия, как и другие логические свойства, выражается средствами языка. Так, само появление слова, выражающего понятие, выражает и гипотезу о существовании понятия. Способность слова входить в определённые словосочетания зависит от содержания понятия, выражаемого этим словом. Элементы терминологического словосочетания эксплицируют гипотезы о понятийных признаках. Сходная сочетаемость терминов не только выражает гипотезу о близости содержания соответствующих понятий, но и позволяет оценивать её степень правдоподобия. Необычность такого объекта изучения, каким является понятие, требует особой логики для его описания (многозначная логика, теория нечётких множеств).

Таким образом, понятия могут изучаться с помощью наблюдения, но не самих понятий, а языковых моделей, выражающих гипотезы о понятийном содержании. По-видимому, такое наблюдение и есть эмпирическая основа науки о понятиях.

В лингвистических и особенно терминологических работах отмечается тесная связь или близость значения и понятия. Лексическое значение определяют и как обозначаемый предмет, и как субстанциональный элемент сознания, и

* Герасимов, В.И. На пути к когнитивной модели языка / В.И. Герасимов, В.В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 9.

** Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М., 1997. – С. 161, 296, 297.

*** Демьянков, В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания, 1983, № 6, с.65.

**** Опарина, Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX века / Е.О. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. – М., 2000. – С. 187.

как реляционную сущность (отношение), и как понятие, и как деятельность особого рода, и как правила оперирования со словом. Ч. Моррис объясняет сложность определения понятия «значение» нечёткостью разграничения элементов семиозиса и психолингвистическими факторами: людям трудно мыслить ясно о сложных функциональных и реляционных процессах. По этим причинам в современных работах по семантике значение «опредмечивается», предпринимаются попытки найти его «как некоторую вещь среди других вещей» (Ч. Моррис). Яркий пример такого подхода – выделение семантических компонентов, которые относятся к значению языковой единицы как часть к целому, подобно составным частям материального тела.

Анализ определений значения показывает, что термин «значение» в лингвистике используется либо как синоним термина «понятие», либо как наименование, близкое термину «интерпретация» (например, в определении значения как нервно-мозговой связи между отображениями слова и предмета), либо как свойство знака интерпретироваться (его способность оставлять материальный «след»). Поэтому в диссертации выражение «значение термина» используется либо при изложении различных научных позиций, либо для обозначения результатов интерпретаций, например: «Термин "морфема" имеет значение "наименьшая, далее неделимая единица языка"» (здесь выражение «наименьшая, далее неделимая единица языка» рассматривается не как понятие или отношение, а как линейная последовательность текстовых материально выраженных элементов). Так же используются выражения «значить», «обозначать» и подобные.

Понятие гипотезы может быть использовано при описании характера отношений между знаком и результатом его интерпретации. Сомнительно любое представление, основанное на метафоризации физических отношений между материальными предметами (например, представление о результате интерпретации как зеркальном отражении интерпретируемого знака), потому что отношение между элементами И-акта имеет нефизическую природу. Структуры этих элементов, вообще говоря, не изоморфны, так как между ними нет взаимно однозначных соответствий, и не гомоморфны, так как в модели (в результате интерпретации) могут возникать элементы, которые не присутствовали в моделируемом (интерпретируемом) знаке.

Изоморфные и гомоморфные отображения объединяет то, что 1) элементы модели не могут возникать «из ничего», а всегда отражают элементы моделируемого объекта и 2) элементы моделируемого объекта обязательно отражаются в модели, либо однозначно соответствуя её элементам, либо входя в некоторый класс, отражаемый в данной модели. Но, например, в явлении «пустых имён» (Г. Фреге) название интерпретирует нечто несуществующее («нынешний король Франции» - название несуществующего лица и т.д.). Таким образом, «пустые имена» - это пример возникновения результата интерпретации «из ничего» - из реалий (знаков-признаков), которых нет в интерпретируемом объекте. Явление «пустых имён» в некоторой степени присуще и научной коммуникации, если неверно или неточно истолковываются факты, например при выражении несуществующей реалии («теплород» в смысле невесомой теплопередающей жидкости), при использовании одного и того же термина с разной предметной отне-

сённостью (при этом учёный может «увидеть» в концепции своего коллеги то, чего тот не имел в виду). Другая ситуация – неотражение в результатах интерпретации того, что есть в знаках. В общем случае часть элементов знака и их свойств совершенно не отражена в результатах интерпретации (например, при моделировании всегда происходит упрощение моделируемого объекта, отбрасываются несущественные детали).

Отсутствие взаимно однозначного соотношения между элементами И-акта проявляется в лингвистическом понятии идиоматичности, которая в общем плане представляет собой произвольность связи обозначаемого и обозначающего. Первоначально идиоматичность рассматривалась как свойство составных выражений, значение которых не выводится из их синтаксической структуры и значений компонентов, потом понятие идиоматичности было перенесено на слова и словоформы. Идиоматичность можно рассматривать как проявление более широкой закономерности, которая обнаруживается при сравнении формальной стороны знака и результата его интерпретации.

Термин наследует свойство идиоматичности слова. Проявлениями этого свойства являются условность и субъективность выбора признака терминологической номинации, неотражение некоторых признаков понятий в словарных толкованиях и в структуре терминологических словосочетаний. Подобные проявления характерны и для русских лингвистических терминов.

Анализ проявлений идиоматичности свидетельствует, что знаковые модели И-акта отражают его в неполном, нечётком или искажённом виде. Эти свойства языковых моделей – объективная данность, которую невозможно устранить искусственным путём. С данными особенностями языкового моделирования связана проблема обеспечения точности и логичности научного термина. При решении этой проблемы требуется признать его функциональные, интерпретационные свойства. Б.Н. Головин разграничивал построение терминов и их применение: если нельзя построить однозначные и точные термины, то это не значит, что нельзя обеспечить точное и однозначное их применение. Точность терминопотребления – не просто свойство, присущее термину изначально, а результат процесса познания, усилия мысли, тщательного отбора формулировок. Другая сторона этой проблемы – оптимизация употребления терминов, предполагающая не только достижение максимальной точности, но иногда и её ограничение, сведение нечёткости термина к разумному минимуму.

В силу того, что предметная и понятийная отнесённость термина может меняться, термин не имеет однозначной интерпретации и не является результатом такой интерпретации. Класс, или множество, объектов, обозначенных термином, является нечётким, а соотнесение в сознании термина и интерпретируемого им объекта носит гипотетический характер.

Текстовые модели и их элементы эксплицируют различные гипотезы о моделируемых явлениях. Первая группа этих гипотез – гипотезы о *существовании интерпретируемого объекта*. Название предмета является экспликацией гипотетического суждения о том, что данный предмет и понятие о нём существуют. Лингвистические термины своим появлением выражают гипотезы о существова-

нии лингвистических объектов, причём степень правдоподобия этих гипотез может быть различной.

Вторая группа – гипотезы *о существовании системы или структуры*. Ряды равнозначных терминологических обозначений выявляют в обозначаемом объекте разные его стороны и, следовательно, по-разному эксплицируют совокупность системных и структурных связей объекта. В различных лингвистических текстах выражаются и обосновываются различные гипотезы об описываемых лингвистических объектах, об их структуре и системных связях.

Третья группа – гипотезы *о наличии у понятия определённых признаков*. Языковая единица может выражать несуществующие признаки понятия или может быть истолкована как выражающая различное содержание.

Четвёртая группа – гипотезы *об общности содержания понятий*. Экспликация этих гипотез представлена грамматическими конструкциями, выражающими логическое определение и устанавливающими тождество его правой и левой частей, и повторами терминов и их элементов (например, словосочетания «падеж существительного» и «падеж прилагательного» выражают гипотезу, что содержания понятий «существительное» и «прилагательное» сходны или тождественны).

Для оценки степени правдоподобия гипотез в науке обычно используется аппарат теории вероятностей и математической статистики. Индукция как переход от достоверного знания к вероятному, как процесс познания, осуществляемый в форме выдвижения и испытания гипотез, рассматривается в работах Д. Пойа, А.А. Ивина, В.А. Светлова, А.Д. Гетмановой, Г. Кайберга и других логиков и математиков. Основная схема правдоподобного умозаключения отражает тот факт, что подтверждение следствия делает гипотезу более правдоподобной. Например, гипотеза выражается суждением «два термина синонимичны». Следствие из этой гипотезы – суждение «эти два термина имеют сходную лексическую сочетаемость». Наблюдение показывает, что эти два термина действительно имеют сходную лексическую сочетаемость. Следовательно, исходная гипотеза о синонимичности этих терминов становится более правдоподобной.

Естественно искать экспликацию не только самих гипотез, но и их правдоподобия в тех же самых текстах и текстовых моделях. Эта задача требует изучения текстовых моделей как фактического материала и может решаться в рамках лингвистики – индуктивной науки, описывающей доступные для наблюдения факты. Существуют решения частных задач описания языка, опирающиеся на использование и индуктивное обобщение свойств языковых единиц в тексте: дистрибутивная методика описания классов языковых единиц, дешифровочные алгоритмы, оценка смысловой близости слов на основе сходной сочетаемости и другие. Можно предположить, что в тексте существуют средства, позволяющие оценивать правдоподобие любых гипотез о лингвистических объектах.

Применительно к терминам представляется особо важным выдвижение и обоснование гипотез о тождестве выражаемых понятий (о лексико-семантической парадигматике терминов). При использовании лексико-семантической сочетаемости терминов обнаруживаются следующие закономерности: 1) чем меньше терминов могут заменять друг друга в составе словосоче-

тания, тем более специфические признаки понятия выделяет общий лексико-грамматический контекст (ЛГК) и тем, следовательно, правдоподобнее наличие парадигматической связи между терминами; 2) чем больше общих ЛГК, в которых могут встретиться два различных термина, тем больше общих признаков в содержании соответствующих понятий. Первая из этих закономерностей отражает общесемиотический закон о связи содержания и функции понятий: чем уже сфера употребления, тем богаче содержание понятия; чем шире употребление, тем беднее содержание понятия*. Вторая закономерность отражает очевидный факт: чем больше сходства в сочетаемости двух разных терминов, тем больше сходства в выражаемых ими понятиях. Поскольку лексическая сочетаемость практически не может быть подвергнута исчерпывающему обследованию, оценка правдоподобия сама является гипотезой, имеющей бóльшую или мёньшую степень правдоподобия (аналогично оценке вероятности с помощью относительной частоты).

Информация о связи терминов, выраженная их общими ЛГК, «разлита» во всём тексте, и методика анализа сочетаемости призвана собрать эту информацию воедино. По-видимому, существуют такие ЛГК, которые так же (или почти так же) информативны, как логические определения. Задача поиска таких ЛГК связана с оценкой степени терминологичности элементов словосочетаний. Эта оценка может, в частности, опираться на свойства словосочетания, активного в русском научном тексте, представляющего собой цепочку родительных падежей. В такой цепочке общеотраслевая и нетерминологическая лексика предшествует узкоотраслевой и терминологической. Утверждения о терминологичности или нетерминологичности элементов таких цепочек гипотетичны.

Описание парадигматических отношений с использованием текстовых моделей, выражающих гипотезы о языковых единицах, принципиально отличается от семантических языков, созданных на основе интуиции исследователя. Независимо от желания исследователя интуитивное описание семантики носит гипотетический характер, поэтому фактически представляет собой запись системы гипотез о семантике. Но семантические языки не имеют средств оценки правдоподобия этих гипотез.

Отношение лингвистического термина к интерпретируемому факту языка выражается в понятии предметной отнесённости термина. В силу того, что один и тот же элемент интерпретационной цепочки в зависимости от взгляда на него может быть самой объективной реальностью или формой её отражения, интерпретируемые объекты в лингвистике принадлежат разным иерархическим уровням (звук речи и фонема, морф и морфема, слово и лексема, языковая реальность и материально выраженный конструкт, созданный исследователем). Лингвистический термин отражает лингвистическую реальность идиоматично, следовательно неполно, нечётко, искажённо. Так, при функционировании термина могут неотчётливо различаться уровни интерпретации, то есть один и тот же термин может интерпретировать весь объём выражаемого понятия, некоторый

* Курилович, Е. Лингвистика и теория знака / Е. Курилович // Курилович Е.. Очерки по лингвистике. Сборник статей. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С.11.

подкласс или отдельный элемент этого объёма. Например, термин «морфема» при употреблении может соотноситься с единичным морфом - конкретным представителем морфемы. Появление пар терминов «лексема – словоупотребление», «фонема – фон», «морфема – морф» и т.п. вызвано стремлением разграничить разные уровни обобщения. Неразграничение уровней наблюдения и описания при их терминологическом моделировании проявляется в многозначности типа «область языка – раздел языкознания» (термины «фонетика», «фразеология», «словообразование и др.). Термины «буква» и «звук» при их функционировании могут соотноситься и со звуковой единицей языка, и с её буквенным воплощением, и в этой неоднозначной соотнесённости также проявляется неучёт различий между обозначаемыми реалиями. Поскольку термин является обычно существительным или словосочетанием на базе существительного, он способен «опредмечивать» любые абстрактные сущности и приписывать им несуществующие свойства. Например, в терминах «корневые морфемы» и «служебные морфемы» нет указания на то, что признаки «быть корневой морфемой» и «быть служебной морфемой» являются нечёткими. На самом деле между этими двумя группами морфем есть промежуточные явления.

Приведённые примеры свидетельствуют о нечёткости и сложности реального лингвистического объекта. В терминах интерпретаций это означает, что один и тот же лингвистический объект допускает разные интерпретации, а разные лингвистические объекты допускают одну (инвариантную) интерпретацию, причём структура результата интерпретации может не содержать указания на свойства интерпретируемого объекта или отражать их приблизительно, искажённо.

Лингвистический термин, как и любая единица языка, обладает единообразием материальной оболочки. Единообразное произношение или написание слова – результат осознания его единства, своеобразное формальное техническое средство для замены его словоупотреблений инвариантом. Инвариантность может выражаться не полным, а частичным совпадением материальной оболочки (совпадение некоторых морфем слова или некоторых словоформ в словосочетании). Инвариант не обязательно предполагает материальное сходство единиц, которые он объединяет. Например, синонимические термины, не имеющие сходства в плане выражения, допускают одинаковую интерпретацию, результат которой по определению является инвариантом. Инвариант выражает тождество единицы самой себе. Это тождество не сводится к материальному сходству, не задано до процесса коммуникации, а устанавливается в этом процессе. Лексикографическое фиксирование термина как готовой инвариантной единицы выражает стремление говорящих устанавливать инвариант при общении, но недостаточно отражает процесс этого установления. Этим объясняются трудности работы по стандартизации терминологии: стандартизованные термины должны представлять собой готовые инварианты, но эти инварианты создаются только в результате осуществления И-актов.

При рассмотрении модельных свойств термина следует обратиться к структуре научной речи, в частности к её линейной организации. Так, повторение материальной оболочки термина в тексте моделирует логический закон тож-

дства: А есть А. В формуле логического закона символ А отражает результат абстрагирующей деятельности сознания, инвариант множества единичных объектов, их обобщение. При повторении элементов текста это обобщение формируется, находится в становлении.

Одним из важнейших структурных элементов научного текста является логическое определение, или дефиниция – линейно организованная структура, которая включает определяемый термин и определяющую часть. В дефиниции как модели интерпретации определяемый термин соответствует знаку, а определяющая часть – результату его интерпретации. Особенность дефиниции как разновидности и модели интерпретации заключается в том, что она фиксирует содержание определяемого термина с помощью анализа более дробного, чем тот, который представлен в структуре этого термина, и лексико-синтаксическая структура определяющего всегда сложнее лексико-синтаксической структуры определяемого*. Анализ разных видов определений (дефиниция через родовое понятие и видовое отличие, семантические, синтаксические, лингвистические, операционные, остенсивные определения) свидетельствует, что любое определение либо включает И-акт, либо является результатом его интерпретации, отражающим его структуру, то есть его моделью.

Дефиниции реализуются в предложениях унифицированной структуры. Предложения иной структуры также являются моделями тех или иных И-актов. Эти модели могут выделять некоторые признаки интерпретируемых знаков (в частности, их состав, причины возникновения обозначаемых объектов).

И-акт моделируется также грамматической структурой терминологического словосочетания, а именно двумя его составляющими. Так как интерпретация может быть направлена в любую сторону, любой элемент такого словосочетания может быть отражением как знака, так и результата интерпретации. В частности, присоединение к исходному однословному термину слов-уточнителей конкретизирует исходное понятие и создаёт видовые корреляты. Например, термин «значение» выражает родовое понятие, а термины «лексическое значение», «грамматическое значение», «значение морфемы» – видовые (моделируемые интерпретации: значение бывает лексическим, грамматическим и т.д.; лексическое значение – это значение; и т.д.).

Именное словосочетание в научном тексте часто имеет главное слово, которое с семантической точки зрения не только не является смысловым ядром выражаемого понятия, но и вообще терминологически не информативно, например «роль корня как смыслового ядра слова» (элемент «роль» имеет общенаучное значение). Противоречие между структурой и семантикой составных терминов проявляется в том, что их семантический и грамматический центры могут не совпадать или смысловой центр вообще может не вычленяться. Образование терминов путём грамматического распространения грамматически главного слова словосочетания можно противопоставить терминологической деривации, при которой исходным термином не обязательно является главное слово словосочетания. Несовпадение деривационных и грамматических отношений отражает тот

* Шелов, С.Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации) / С.Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 30.

факт, что одна и та же грамматическая конструкция моделирует несколько И-актов, а сама грамматическая структура термина как модель допускает различия, неоднозначность понимания, разные интерпретации. В этом проявляется нечёткость терминологической системы, идиоматичность (частичная мотивированность) терминологических единиц, гипотетичность выражаемых понятий.

Изучаемое наукой явление не обязательно имеет соответствующий ему термин. Как было отмечено выше, понятие является гипотетичным объектом, т.е. его существование гипотетично. Но формирование гипотезы о его существовании происходит постепенно, проходит через этап, когда обнаруживается денотат, но ещё не предложен экспонент. Интерпретацией, характерной для этого этапа, является создание научного текста. Содержание понятия эксплицируется текстовыми элементами, главным образом терминами. Аморфность отношений между терминами текста, отсутствие грамматической связи между ними выражает нечёткость, неоформленность, расплывчатость понятия на начальных этапах формирования средств его выражения.

Понятие может выражаться посредством текста и в том случае, если его экспонент уже существует. Это может быть обусловлено прагматическими задачами общения (объяснение учебного материала, комментирование взглядов предшественников).

Классификация И-актов может быть осуществлена по видам их структурных элементов. И-акты могут иметь следующую структуру.

1. Лингвистический факт – текст. Пример – описание лингвистического факта.
2. Лингвистический факт – термин. Пример – название лингвистического факта.
3. Термин – термин. Эта интерпретация представляет собой другое название некоторых сторон того же явления и/или другое выражение признаков того же понятия и предполагает установление сходства или тождества между содержанием терминов. Пример - толкование с помощью синонима.
4. Термин – текст. Пример – объяснение значения термина (самая важная разновидность – логическое определение).
5. Текст – термин. Результатом этой интерпретации является терминологическое выражение понятия, представленного в тексте. Пример – формулировка темы научного документа.
6. Текст – текст. Данная интерпретация предполагает другое осмысление того же самого содержания. Пример - комментирование текста.
7. Текст – лингвистический факт. Данная интерпретация представляет собой порождение лингвистического факта на основе правила (алгоритма, инструкции и т.д.). Пример – иллюстрирование общих положений конкретным лингвистическим материалом.
8. Термин – лингвистический факт. Пример – замена родового лингвистического термина, обозначающего класс объектов, элементом этого класса.

Данная классификация схематизирует факты, поскольку, во-первых, реальные И-акты, вообще говоря, не являются элементарными, а представляют собой

цепочки. Во-вторых, отсутствует резкая граница между текстом и термином: текст может состоять из одного номинативного предложения. Представление о единицах, занимающих промежуточное положение между термином и текстом, выражается в понятии терминов речи, которые имеют некоторые свойства, сближающие их с текстом: создаются для выражения актуального, конкретного содержания, отличаются индивидуальностью, малой воспроизводимостью лексического состава и грамматической структуры.

Что касается выражения «лингвистический факт», то оно может обозначать любой факт или явление, которые изучаются в лингвистике, независимо от степени его обобщения.

Вышеприведённая классификация может быть названа структурной и неполнена разным содержанием. Например, терминопользующие, терминофиксирующие и терминопорождающие тексты* участвуют в И-актах разной структуры.

Под текстовыми моделями понимаются формальные, материально выраженные элементы текста, отражающие И-акты различных видов и включающие два элемента, которые отражают моделируемый знак и результат его интерпретации. Моделями И-актов являются как языковые единицы, выражающие устойчивые представления носителей языка, так и текстовые образования, выражающие ситуативные высказывания. Выделяются следующие виды текстовых моделей с участием терминов.

№ п/п	Виды текстовых моделей	Структура текстовых моделей
1	Термин или терминологический элемент, повторяющийся в тексте.	Два или более одинаковых терминов или терминологических элементов, расположенные в разных точках речевой последовательности.
2	Научный текст.	Линейно организованные элементы текста.
3	Предложение в научном тексте.	Группа подлежащего и группа сказуемого.
4	Терминологическое словосочетание.	Главный элемент и зависимый элемент словосочетания.
5	Словообразовательно мотивированный однословный термин.	Производящая база и словообразующий формант.

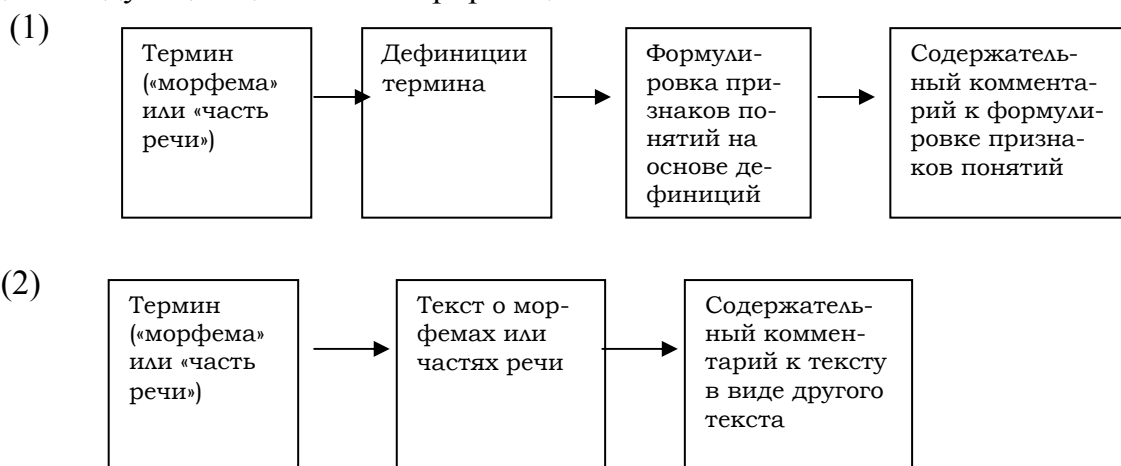
Текстовые модели не имеют строгих соответствий с видами И-актов. Неоднозначность текстовых моделей связана с их гипотетичностью – с тем, что их

* Лейчик, В.М. Особенности функционирования терминов в тексте / В.М. Лейчик // Филологические науки. – 1990. - № 3. – С. 80 – 87.

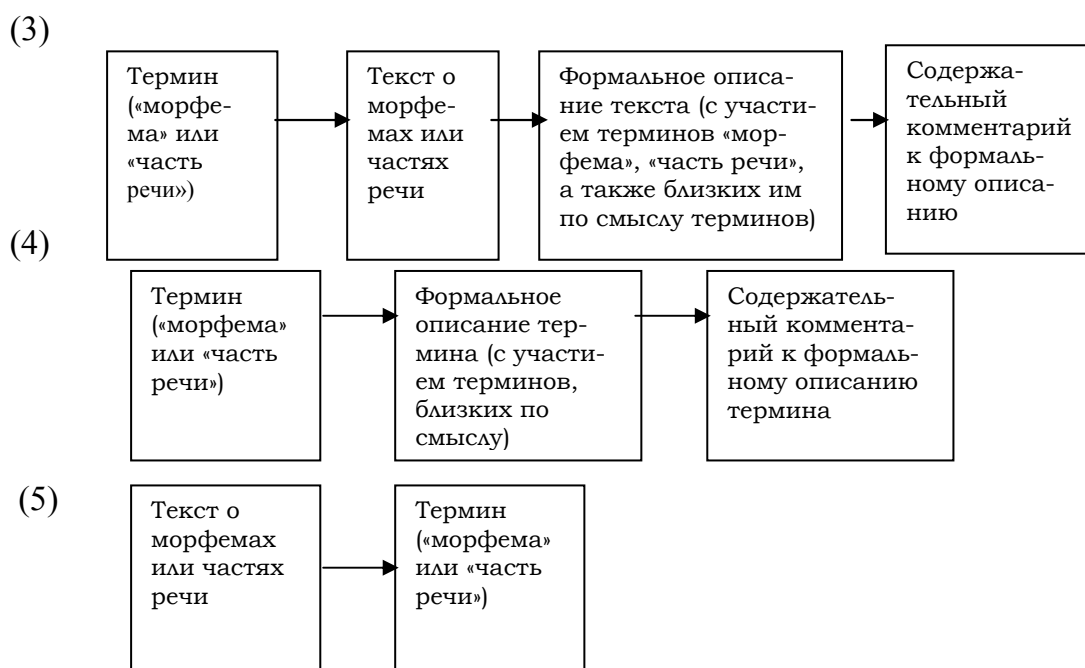
появление определяется различными пресуппозициями, различными суждениями о выражаемых понятиях. Модели 2, 3, 4, и 5 отражают в основном процесс формирования классов элементов (в один класс включаются элементы, входящие в одну цепочку интерпретаций). Модель 1 отражает в основном тождество элементов уже сформированного класса (констатация тождества осуществляется путём одинакового названия). Соотнесение различного в речевой цепочке соответствует синтагматическим отношениям, а повторение одинакового – ассоциативным отношениям в сосюровском смысле. Модель 4 включает две разновидности – 1) составной термин (терминологическое словосочетание) и 2) термин и его лексико-грамматический контекст (ЛГК). Составной термин моделирует выделение признака понятия, выраженного всем этим составным термином. ЛГК моделирует признак понятия, обозначенного термином, который встретился в данном ЛГК. ЛГК может быть и главным, и зависимым элементом словосочетания.

В третьей главе «Термины ”часть речи” и ”морфема” как знаки и как результаты интерпретации» характеризуются основные черты методики анализа интерпретаций на материале русских научных текстов и применение этой методики на материале функционирования двух русских лингвистических терминов – «морфема» и «часть речи».

Участие терминов в процессах интерпретации можно наблюдать в научно-информационной деятельности при создании аналитических обзоров литературных источников, выделении текстовых фрагментов, соответствующих определённой тематике, создании рефератов и аннотаций научных работ (эти виды деятельности представляют собой интерпретацию одних текстов с помощью других), описании (индексировании) текстов в виде набора ключевых слов, формулировании тематической принадлежности подборок информационных документов (в этом случае налицо интерпретация научного текста посредством термина или набора терминов). В процессах описания с участием терминов тексты содержат пресуппозиции об интерпретируемых знаках и участвуют в генерации новых сообщений (текст обнаруживает черты интеллектуального устройства*). Описания с участием терминов «часть речи» и «морфема» осуществляются с помощью следующих цепочек интерпретаций.

* Лотман, Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю.М. Лотман // Семиотика и информатика: Семнадцатый выпуск. – М.: ВИНТИ, 1981. – С.3 – 17.

Стрелки направлены от знаков к результатам их интерпретаций. Данные схемы являются моделями И-актов и, как любые модели, приблизительно отражают моделируемую реальность (в частности, могут быть промежуточные звенья интерпретации).

Для изучения структуры интерпретаций с участием терминов надо обратиться к грамматической структуре терминологических словосочетаний русского научного текста. Структура любого терминологического словосочетания связана с выражаемым понятием и возникает в результате представлений носителя языка о структуре этого понятия. Поэтому следует изучать номинативные словосочетания любого объёма.

Модель структуры номинативного словосочетания представляет собой граф, вершины которого интерпретируются как знаменательные слова, а рёбра – как отношения синтаксической зависимости между знаменательными словами. Научный текст может быть описан моделями, представляющими собой множества графов, моделирующих морфолого-синтаксическую структуру терминологических словосочетаний этого текста. При выборе использованных морфолого-синтаксических структур принимались во внимание их частотность, типовой универсальный характер, наличие материальной (формально-языковой) выраженности в научном тексте на русском языке. Морфолого-синтаксические модели должны отражать как можно большую часть терминологического состава научного текста и состоять из элементов (блоков), находящихся в отношении взаимозамены, что позволяет сравнивать элементы моделей, устанавливать взаимоотношения между ними. Этим условиям удовлетворяют активные в русской научной речи подчинительные словосочетания, включающие в свой состав существительные и прилагательные, образованные двумя видами подчинительной связи: «прилагательное ← существительное» (ПС) и «существительное → существительное в родительном падеже» (С → С(Р)). Терминоэлементами, способными взаимозаменяться в таких структурах, являются одиночные существительные (С) и существительные с зависимыми от них прилагательными (ПС).

Например, в словосочетании «классификация единиц языка», состоящем из трёх терминологических элементов, каждый элемент легко может быть заменён («классификация» - «лексическая группировка», «единиц» - «лексических единиц» и т.д.).

Описание текста может осуществляться не только с помощью моделей морфолого-синтаксической структуры словосочетаний, но и с помощью моделей другой структуры. Например, в дистрибутивно-статистическом анализе семантики* исходной моделью является множество текстовых элементов без учёта связей между ними. Преимущество таких моделей в их максимальной простоте, а недостаток – в потере текстовой информации, содержащейся в грамматических связях. Используемые в диссертации модели представляют собой компромисс между максимально простыми и максимально сложными моделями, позволяющий избежать крайностей – неучёта языковых связей и чрезмерной сложности их алгоритмизации.

Описание текстовых терминологических словосочетаний с помощью их морфолого-синтаксических моделей может производиться в процессе автоматизированного грамматического анализа. Подобный анализ не застрахован от ошибок, но это закономерно: морфолого-синтаксические модели являются результатами интерпретаций и поэтому отражают интерпретируемый объект неточно. Вопрос в том, приемлема ли степень неточности, полученная в результате работы алгоритмов.

В формировании структуры элементов И-акта, кроме грамматических свойств словосочетаний, большую роль играет частота, повторяемость терминов и терминологических элементов. В лингвистике отмечена связь между повторяемостью элементов текста и его семантикой. Это делает изучение повторов перспективным при разработке автоматизированных систем смыслового анализа текста. Такие исследования активно велись в Советском Союзе в 1970-х – 80-х годах XX века. К ним относятся работы по установлению меры смысловой близости текстов, по автоматизации индексирования, составления рефератов и аннотаций, построения информационно-поисковых тезаурусов. В прикладных исследованиях изучению повторяемости текстовых элементов уделяется много внимания (см., например, работы А.Я. Шайкевича, Э.И. Королёва, И.П. Севбо, Э.Ф. Скороходько, И.В. Маршаковой, М.П. Ребровой, Э.И. Бухалева, Б.В. Якушина и других авторов). В диссертации экспериментально проверяется следующая гипотеза: *чем чаще встречается в тексте данный термин, тем более он важен для передачи содержания данного текста* (или, в другой формулировке, *чем чаще повторяется данный элемент научного текста, тем правдоподобнее гипотеза о том, что этот элемент выражает основное содержание этого текста*).

Далее в работе характеризуются понятия «часть речи» и «морфема».

Анализ определений части речи позволяет выделить признаки соответствующего понятия: «быть разрядом слов», «быть категорией», «выделяться на логической основе», «выделяться на основе морфологических признаков», «выделяться на основе морфологических и синтаксических признаков», «выделяться на основе лексических и грамматических признаков». Система этих формулиро-

* Шайкевич, А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике / А.Я. Шайкевич // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 355.

вок отражает модели И-актов, в которых интерпретируются свойства частей речи. Например, если нужно охарактеризовать разряд слов (выражение «разряд слов» - интерпретируемый знак), то слова в нём могут иметь лексическую, функциональную или грамматическую общность (выражение «лексическая общность», «грамматическая общность» и др. входят в результат интерпретации). Формулировки выражают содержание понятия нечётко, гипотетично. Например, термин «категория» может обозначать и группу языковых элементов, и признак, объединяющий языковые элементы в группы (это связано со стандартными метонимическими переносами типа «материальное явление – его идеальный признак» или «идеальное явление – средство его выражения»).

Классификация по частям речи также является нечёткой. Набор признаков для выделения различен для разных частей речи. Различна «яркость» отдельных частей речи. Части речи имеют полевую структуру, границы между ними носят вероятностный характер.

Проблема определения и классификации частей речи не сводится к детальному описанию классифицируемых фактов и классификационных признаков и к максимальному уточнению оснований классификации. В работах ряда учёных (Ф. де Соссюр, О. Есперсен, Л.В. Щерба, А.А. Леонтьев, В.М. Алпатов) ставится вопрос об адекватности научной классификации частей речи, о наличии для неё естественных оснований. Поскольку особенности психологии познания и отражения познаваемых явлений отличаются от принципов и методов научной классификации, носитель языка не обязательно должен производить грамматический анализ для определения части речи. Он как бы ощущает принадлежность слова к существительным или глаголам, не отдавая себе отчёта, по каким признакам происходит это определение. Обозначения «существительное», «прилагательное» и т.д. и обобщающий термин «часть речи» - результаты деятельности по обобщению и классификации словоупотреблений, инварианты высокого уровня. Типовые, много раз повторяющиеся действия носителей языка по обобщению словоупотреблений откладываются и закрепляются в системе частей речи, в тех формальных показателях, которые им свойственны. Решение о принадлежности словоупотребления к определённой части речи является гипотетичным, а степень правдоподобия гипотез определяется целями деятельности. Например, учащиеся нередко относят словоформы «рад», «должен», «обязан» к глаголам, хотя важнейших морфологических признаков глаголов у этих словоформ нет. Причина такой интерпретации в том, что данные словоформы функционально примыкают к личной форме глагола, выполняя функцию сказуемого, выражая бытийный признак. С точки зрения деятельностного подхода признаки классификации частей речи должны носить операционный характер.

В научной литературе, посвящённой частям речи, они чаще всего понимаются упрощённо – как классы слов, а не как абстрактные категории. Это объясняется прагматическими целями текстов (обычно учебных) и отражает тот факт, что тексты выражают лишь часть признаков трактуемых понятий.

Термин «морфема» обычно обозначает определённую сегментную единицу в составе слова, однако в лингвистической литературе встречаются и другие понимания этого термина. В трудах лингвистов морфемы могут быть не обязатель-

но кратчайшими, не обязательно сегментными и не обязательно значимыми единицами. Признаки, выделяемые на основе дефиниций этого термина, получают следующие формулировки: «быть единицей языка», «иметь средства выражения», «иметь значение», «быть кратчайшей, далее неделимой единицей языка», «быть структурной частью слова», «повторяться в составе разных слов или словоформ», «служить для образования новых слов или словоформ», «употребляться самостоятельно (т.е. только в составе слова)», «выражать грамматическое значение». Эти признаки носят относительный характер: либо слова, входящие в формулировки признаков, понимаются по-разному, либо признак рассматривается некоторыми исследователями как необязательный и даже неадекватный для понятия «морфема». Гипотезы о понятии «морфема» различны у разных исследователей, которые придают признакам различный «вес».

В качестве текстов, интерпретирующих термины «часть речи» и «морфема», взяты фрагменты из учебных пособий, из академической грамматики, из популярного энциклопедического словаря*. Давая содержательный анализ этих текстов, следует учитывать их социально-культурный контекст, так же как при изучении, например, языка художественной литературы. Конкретное содержание научных работ не является предметом лингвистики, но при изучении способов языкового выражения необходимо учитывать и это содержание, которое представляет собой научные понятия, складывающиеся в некоторую систему. Если художественная речь – средство художественного мышления, то научная речь – средство мышления научного. И художественный образ, и понятие непосредственно не наблюдаемы, но обязательно выражены в языке, в речи, в текстах. Эти аналогии предполагают известную преемственность методик, сходство приёмов анализа и интерпретации художественного и научного текстов.

Содержательный анализ позволяет сделать вывод, что изученные тексты имеют отчётливые жанровые и авторские особенности и различия. Так, текст о морфеме из популярного «Энциклопедического словаря юного филолога» отличается от текстов из учебного пособия А.И. Моисеева и из академической грамматики большей простотой, конкретностью. Отсюда большое количество примеров, внимание лишь к наиболее существенным признакам понятия «морфема» в популярном энциклопедическом словаре. В данном источнике собственно терминологических единиц сравнительно мало, и соответствующее им содержание во многих случаях передаётся не номинативными словосочетаниями, а предложениями, например: «Морфы... позиционно чередуются» (вместо «позиционные чередования морфов»).

* Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981, с.32. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. С. 155 – 156. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А.Золотова. - 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. С.42 – 43. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В.Панов. М.: Педагогика, 1984. С.177 – 178. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л., 1987, с.37-38. Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. С.125.

Текст А.И. Моисеева характеризуется значительной речевой синонимией, например: «морфемы», «части-морфемы», «частные морфологические части слова», «морфологический элемент языкового мышления». Это характеризует как индивидуальный речевой стиль автора, так и методические задачи формирования культуры научного мышления и изложения, решаемые вузовским учебником. Из вышеперечисленных признаков понятия «морфема» в тексте А.И. Моисеева не выражено свойство морфемы повторяться в составе слов и словоформ, не развёрнуто положение о том, что морфема служит для образования слов и словоформ. Зато в данном тексте описывается специфика морфем по сравнению с фонетической единицей – слогом – и на этой основе выделяются некоторые дополнительные признаки понятия «морфема» (в частности, способность морфемы состоять из одного слога, более чем из одного слога и вообще не составлять слога).

Фрагмент из академической грамматики характеризуется большей строгостью изложения по сравнению с научно-популярным и учебным текстами, т.к. представляет собой одно из звеньев в цепи изложения сведений о понятии «морфема» (содержит определение морфемы, правила выделения морфем в составе слова и объединения морфем в классы).

Текст Ю.С. Маслова о частях речи конкретнее, чем текст И.Г. Милославского, так как содержит примеры из русского языка и более детальное обсуждение, в частности, роли форм слов в процессе классификации. Текст В.В. Виноградова отличается от двух предыдущих тем, что не содержит определения части речи, а акцентирует внимание на сложности проблемы классификации слов. С этим связана некоторая публицистичность, бóльшая эмоциональность текста В.В. Виноградова по сравнению с отрывками из работ И.Г. Милославского и Ю.С. Маслова. Средствами, создающими эту особую эмоциональность, являются метафорично употреблённые слова, несущие эмоциональную коннотацию, риторические фигуры, цитата из классического художественного произведения.

Формальное описание вышеперечисленных текстов предполагает выделение повторяющихся текстовых элементов и оценку их важности для передачи содержания текста. Эта оценка может быть осуществлена с использованием следующих правил.

1. Чем чаще повторяется данный терминологический элемент, тем правдоподобнее гипотеза о том, что он выражает основное содержание текста.

2. Из двух повторяющихся терминологических элементов при прочих равных условиях наиболее специфичное основное понятие данного текста выражает тот из них, который более грамматически распространён. Грамматическую распространённость можно измерять количеством полных слов, входящих в состав словосочетания.

Если некоторый терминологический элемент появился в составе повторяющегося словосочетания, то в данном появлении он не учитывался как отдельный терминологический элемент. Например, терминологический элемент «классификация» в тексте И.Г. Милославского встречается 8 раз, но из них 6 раз в составе повторяющихся словосочетаний «классификация лексем» и «классификация словоформ». Поэтому считаем,

что терминологический элемент «классификация» повторён только 2 раза (имеет частоту, равную 2).

Данные параметры – частота термина и количество однозначных слов в словосочетании – служат для описания предпочтений одних гипотез перед другими. Значения параметров могут противоречить один другому. Например, редко повторяющийся термин может состоять из большого количества слов. В методике использован следующий принцип: один терминологический элемент предпочтительнее, чем другой, если он ни по одному параметру не хуже, а хотя бы по одному – лучше, чем другой («хуже» здесь понимается в смысле «выражает менее правдоподобную гипотезу о содержании текста», а «лучше» - «выражает более правдоподобную гипотезу о содержании текста»). В противном случае нельзя говорить о предпочтительности одного терминологического элемента перед другим. Например, в тексте И.Г. Милославского (см. таблицу на с.30) терминологический элемент «лексема» предпочтительнее терминологического элемента «классификация», потому что по признаку количества слов он не хуже, а по признаку частоты лучше терминологического элемента «классификация». У терминологических элементов «определение» и «части речи» нельзя выявить предпочтение одного относительно другого, так как первый из них имеет бóльшую частоту, чем второй, зато второй содержит больше однозначных слов, чем первый. Поэтому при ранжировании терминологических элементов (установлении приоритетов) несколько терминологических элементов могут получать одинаковый ранг.

Для формального описания перечисленных текстовых фрагментов были построены таблицы, содержащие повторяющиеся терминологические элементы, ранжированные по их частотам и количеству входящих в них слов. Например, таблица, полученная по тексту И.Г. Милославского, имеет следующий вид.

Ранг	Термин	Частота употребления	Количество слов
1	Значение	3	1
	Классификация лексем	3	2
	Классификация словоформ	3	2
	Лексема	3	1
	Определение	3	1
	Понятие «части речи»	2	3
	Слово	4	1
	Части речи	2	2
2	Классификация	2	1
	Обобщение	2	1
	Понятие	2	1

Внутри рангов терминологические элементы упорядочены по алфавиту. Любой терминологический элемент из ранга 1 предпочтительнее любого терминологического элемента из ранга 2. В ранге 1 некоторые терминологические элементы при парном сравнении предпочтительнее других. Но мы исходим из того, что для присваивания некоторому терминологическому элементу более высокого ранга он должен быть лучше *всех* элементов, с которыми он сравнивается. В пределах одного ранга это условие не соблюдается. Напри-

мер, терминологический элемент «слово» предпочтительнее терминологического элемента «лексема», но не предпочтительнее терминологического элемента «классификация лексем». Терминологический элемент «классификация лексем» предпочтительнее, чем терминологический элемент «лексема», но не предпочтительнее, чем терминологический элемент «слово», и т.д. Поэтому «в целом» единицы внутри ранга 1 не имеют предпочтений относительно друг друга.

Набор терминологических элементов в приведённой таблице выражает содержание текста, в котором говорится о частях речи, возникающих в результате классификации лексем и/или словоформ, причём принимается во внимание значение классифицируемых единиц; данный текст содержит также обсуждение того, как надо давать определение части речи. Представленный в таблице набор терминологических элементов - выражение некоторой правдоподобной гипотезы о содержании данного текста. Эта гипотеза не является единственно возможной, и при другой формальной методике описания в принципе можно было бы выразить и другие гипотезы. Слова в ранге 2, очевидно, хуже отражают содержание основного понятия, чем слова в ранге 1: «обобщение» не является термином, «классификация» и «понятие» менее конкретны, чем «классификация лексем», «классификация словоформ», «понятие "части речи"». Все терминологические элементы ранга 1, кроме слова «определение», представляют собой терминологические слова и словосочетания из области лингвистики. Все терминологические элементы ранга 2 являются либо словами общенаучного значения («классификация», «обобщение»), либо лингвистическими терминами (логический термин «понятие»).

По такой же методике обрабатывались и другие тексты, перечисленные выше.

Информативность терминов проверялась также другим способом – по месту их расположения в цепочках родительных падежей. Малоинформативная лексика тяготеет к началу цепочки родительных падежей, отраслевые термины – к концу этой цепочки. Каждому элементу цепочки, состоящему из существительного или из существительного с зависящими от него прилагательными, поставим в соответствие число N следующим образом: 1) элемент, раньше которого ни в одной цепочке не встретился другой элемент, имеет $N=1$; 2) элемент A имеет $N=n+1$, если наибольшее из N , принадлежащих элементам, встретившимся перед A , равно n . Такая величина позволяет учесть информацию о порядке любых двух рядом стоящих элементов относительно друг друга. Например, терминологические элементы, из которых состоят словосочетания «вопросы изучения существительных» и «существительные современного русского языка», получают следующие N : «вопросы» - $N=1$ (так как ни в одной из этих цепочек раньше элемента «вопросы» не встретился ни один элемент), «изучение» - $N=2$ (так как встретился после элемента «вопросы» с $N=1$), «существительное» - $N=3$, «современный русский язык» - $N=4$ (так как встретился после элемента «существительное» с $N=3$). Очевидно, с увеличением текста значение N для узкоспециальных терминов будет увеличиваться, а для малоинформативной лексики – оставаться в пределах малых величин. Так, для терминологических элементов из текста И.Г. Милославского собственно лингвистических терминов с $N=1$ всего 13%, с $N=2$ – 20% (термин «значение»), с $N=3$ – 100%. Если подсчитывать N для словосочетаний в таблицах тер-

миноэлементов, то следует суммировать N для всех терминоэлементов словосочетания. Например, в таблице, построенной на основе текста В.В. Виноградова, словосочетание «категория имени», принадлежащее к рангу 1, получает $N=1+2=3$ (складывается из значений N для терминоэлементов «категория» и «имя»).

Для всех текстов обнаруживается, что чем ближе терминоэлемент к концу цепочки родительных падежей, тем более правдоподобна гипотеза, что он является лингвистическим термином.

На основе анализа ранжированных рядов терминоэлементов для каждого изученного текста подтверждается предположение о том, что чем частотнее терминоэлемент и чем больше слов содержит словосочетание, тем правдоподобнее гипотеза о том, что оно информативно для данного текста (или что оно терминологично, является лингвистическим термином, существенно для выражения содержания данного текста). Для первых трёх текстов к терминоэлементам, имеющим наибольший ранг, относится термин «морфема», для других трёх текстов – термин «часть речи». Это формальное подтверждение содержательной гипотезы о том, что данные термины существенны для выражения содержания соответствующих текстов.

Формальное описание текстов с помощью ранжированных рядов терминоэлементов является результатом интерпретации и в этом качестве отражает интерпретируемый лингвистический текст огрублённо, неполно, гипотетично. Это означает возможность других моделей, например на основе другой методики выделения и ранжирования текстовых элементов. Выражения «огрублённо», «неполно» здесь не несут отрицательной коннотации, а точно выражают свойства результата интерпретации как модели знака. Описанная методика выделения и ранжирования терминоэлементов может быть использована для выделения терминов из текста, отграничения их от нетерминологических единиц, а также для автоматизированной компрессии текста в научно-информационной деятельности, для создания методики поиска информации в Интернете.

В заключении подводятся итоги диссертационной работы, намечаются перспективы использования её результатов.

Исследование интерпретации знака и её результата перспективно в теоретическом и практическом плане.

Во-первых, знак и результат его интерпретации *выражены материально*, благодаря чему их можно воспринимать органами чувств, обнаруживать в результате опыта, использовать для верификации семиотических гипотез и для решения задач автоматизированной обработки лингвистической информации

Во-вторых, знак и результат его интерпретации представляют собой в определённом смысле *однородные явления*: оба они материальны, а их функции знака и результата интерпретации относительно и зависят лишь от их места в И-акте. Эта однородность делает научное описание более экономным, упрощает его, уменьшает количество принципов и постулатов, которые положены в его основу.

В-третьих, использование элементов И-акта в научном описании отражает *деятельностный аспект знака*. Это перспективное направление гуманитарных

исследований, сближающее семиотику с психологией. Интерес к этой проблематике проявляется в потоке исследований, посвящённых когнитивным аспектам языка.

В-четвёртых, результат интерпретации может рассматриваться как *модель знака*, которая в зависимости от точки зрения на неё является средством познания или онтологической сущностью.

Научные термины, включаясь в знаковую деятельность в процессе своего функционирования, выступают как разновидности или структурные элементы знаков и результатов их интерпретаций и обнаруживают *связь с гипотезой* как логическим суждением.

Понятие по сравнению с материальными объектами имеет особый модус существования: материальные объекты мы наблюдаем, а о понятиях судим. Эти суждения носят гипотетический характер и, существуя объективно, в то же время выражают субъективные моменты человеческого мышления.

В *научном тексте* реализуется моделирующая функция языка, содержатся разнообразные модели И-актов, причём характер связи этих моделей с моделируемой реальностью носит гипотетический характер: каждый элемент модели 1) либо отражает, 2) либо не отражает тот или иной элемент моделируемого И-акта. В среднем правдоподобность первой гипотезы больше, чем второй. Если бы это было не так, то нельзя было бы говорить о способности человека адекватно отражать действительность. Указанная гипотетичность отражает субъективную сторону познавательной деятельности, характеризует познание как процесс постепенного приближения к истине, в котором присутствуют элементы знания и незнания, истины и заблуждения.

Главной составной частью текстовых моделей в научном тексте является термин. Но интегральный признак «быть термином» применительно к любой текстовой единице оказывается гипотетичным. Такое свойство текстовых единиц можно трактовать как *степень терминологичности* – градуальный признак терминологических единиц, который обнаруживается во всех свойствах, приписываемых «идеальному термину». Так, с точки зрения наличия/отсутствия эмоциональности нейтральные текстовые единицы терминологичнее, чем стилистически окрашенные. С точки зрения соотнесённости с профессиональными понятиями узкоотраслевые термины терминологичнее, чем общенаучные. С точки зрения статуса языковых единиц существительные терминологичнее, чем глаголы. Исходя из этих соображений производился отбор текстовых единиц для эксперимента и оценивались его результаты.

Предпринятый эксперимент на материале научных текстов на русском языке состоял в проверке гипотезы о том, что *повторяющиеся единицы текста выражают его основное содержание* (или, в другой формулировке, чем чаще повторяется данный элемент научного текста, тем правдоподобнее гипотеза о том, что этот элемент выражает основное содержание этого текста). Кроме того, чем большее количество слов входит в данный текстовый элемент, тем существенней его повторение для выражения основного содержания текста. Полученные результаты чётко свидетельствуют о том, что большинство наиболее часто повторяющихся в данном тексте единиц являются узкоспециальными терминами, а

большинство этих терминов выражают основное содержание текста. Выражение «большинство» означает, что полученный результат принципиально гипотетичен. При этом методика даёт возможность сравнивать правдоподобность гипотез и выбирать наиболее правдоподобные.

Помимо количества слов в текстовых элементах, для оценки гипотезы о том, что данный элемент выражает основное содержание текста, могут быть использованы другие структурные свойства текстовых единиц. В работе предложено оценивать информативность (или, в другой формулировке, степень терминологичности) лексических единиц в русском научном тексте в зависимости от их места в цепочке родительных надежд. Чем дальше от начала такой цепочки встречается элемент терминологического словосочетания, тем правдоподобнее гипотеза о том, что он является лингвистическим термином, а не общенаучной или общепотребительной лексической единицей.

В структурном плане отношения между терминами как знаками и как результатами их интерпретации не являются ни изоморфными, ни гомоморфными. Подобные отношения называются толерантными, а по словообразовательной аналогии их можно было бы назвать параморфными. С формальной точки зрения толерантные (параморфные) отношения являются ослаблением изоморфных отношений, а с содержательной – отношениями сходства (или подобия). Это сходство (или подобие) выявляется в результате некоторой деятельности, в которой используются те или иные критерии сходства, тождества и различия соответствующих объектов.

В процессе установления различных отношений между объектами реализуются различные алгоритмические принципы. При установлении изоморфного соответствия результат интерпретации является поэлементным (побуквенным, посимвольным) повторением знака. При установлении гомоморфного соответствия алгоритм включает процедуры классификации – объединения элементов знака в классы и замены каждого класса элементом результата интерпретации. При установлении толерантного (параморфного) отношения правило классификации может быть несформулированным и даже совершенно отсутствовать. Правило должно быть создано интерпретатором или синтезировано в алгоритмической процедуре. С лингвистической точки зрения отсутствие этого правила проявляется в идиоматичности результата интерпретации. Созданное правило является гипотезой, поэтому алгоритм должен включать средства обоснования и сравнения правдоподобия гипотез. Такие средства обнаруживаются как в научном термине, так и в научном тексте в целом.

Высказанные соображения позволяют по-новому взглянуть на проблему формализации лингвистического описания. Многочисленные факты – нечёткость границ знаковых систем, отсутствие симметрии между планом выражения и планом содержания функционирующих терминов, различные описания, казалось бы, одних и тех же понятий и т.д. – приводят к выводу, что любое формальное описание лингвистической реальности является выражением гипотезы о ней. Признание этого означает, что в алгоритмы и модели описания должны быть включены средства обоснования и сравнения гипотез об описываемых объектах.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

I. Монография:

1. Виноградов, С.Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии) / С.Н.Виноградов. – Нижний Новгород: ННГУ, 2005. - 265 с.

II. Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Виноградов, С.Н. Предметная отнесённость термина «понятие» / С.Н. Виноградов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. – 2000. – Вып. 1(2). – С.197 – 201.

3. Виноградов, С.Н. Интерпретация в системе знаковых отношений / С.Н. Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. – 2004. – Вып 1(5). – С.139 – 146.

4. Виноградов, С.Н. Инвариант как результат интерпретации языковых знаков / С.Н.Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия ФИЛОЛОГИЯ. – 2005. - Вып. 1(6). – С. 81 – 88.

5. Виноградов, С.Н. Парадигматика языка как модель оценочной деятельности / С.Н.Виноградов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал. - 2009. - № 1 (2). - С. 14 – 18.

6. Виноградов, С.Н. К вопросу о предмете языкознания («лингвистика структуры» и «лингвистика выбора») / С.Н.Виноградов // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия ФИЛОЛОГИЯ. – 2009. - Вып. 3. - С. 243 – 246.

7. Виноградов, С.Н. Семиотические и структурно-семантические параллели между словом и текстом / Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия ФИЛОЛОГИЯ. – 2009. - Вып. 4. - С. 267 – 270.

8. Виноградов, С.Н. Проблемная ситуация в тексте школьного учебника по литературе / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания». – 2009. - № 3. – С. 42 – 46.

9. Виноградов, С.Н. Культура речи как аксиологическая дисциплина. – Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». – 2010. - № 4.- Часть 2. – С. 465 – 468.

10. Виноградов, С.Н. К проблеме интерпретации структуры текста / Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». – 2010. - № 5. – С. 346 – 350.

Книги и словари

11. Методика индексирования документов информационного фонда ОАС-НТИ-СМ / Г.М. Матвеев, Б.Н. Головин, В.Р.Максимов, С.Н. Виноградов и др. – М.: ВНИИЭСМ, 1979. -1,38 п.л. (В соавторстве: Матвеев Г.М., Головин Б.Н., Максимов В.Р., Виноградов С.Н., Глумов В.И., Русова Н.Ю., Ручина Л.И., Ломакина О.А., Хонова Н.В.).

12. Информационно-поисковый тезаурус по промышленности строительных материалов. Раздел «Стекло и стеклоизделия». Первая редакция / С.Н.Виноградов, В.И. Глумов, Б.Н. Головин и др. – М.: ВНИИЭСМ, 1980. –

10,81 п.л. (В соавторстве: Виноградов С.Н., Глумов В.И., Головин Б.Н., Ломакина О.А., Максимов В.Р., Матвеев Г.М., Рубцова Н.В., Русова Н.Ю., Ручина Л.И.).

13. Тезаурус информационно-поисковый по промышленности строительных материалов АСНТИ-СМ. Раздел «Керамическая промышленность», Первая редакция / Б.Н.Головин, В.Р.Максимов, Г.М.Матвеев и др. – М.: ВНИИЭСМ, 1983. – 15,69 п.л. (В соавторстве: Головин Б.Н., Максимов В.Р., Матвеев Г.М., Ломакина О.А., Кошляк Л.Л., Виноградов С.Н., Ручина Л.И.).

14. Виноградов, С.Н. Лексико-семантическая парадигматика: Учебное пособие / С.Н. Виноградов. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1999.. – 77 с.

Публикации в других изданиях

15. Виноградов, С.Н. О соотношении перечислительной и фасетной классификаций в тезаурусе / С.Н.Виноградов // Вопросы терминологии и стилистики русского языка: Сборник материалов I научной конференции молодых учёных историко-филологического факультета (лингвистическая серия) Горьковского государственного университета МВ и ССО СССР. – Горький, 1977. – С. 2 – 5.. (Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР 21.08.1978 № 2496).

16. Виноградов, С.Н. О построении информационно-поискового языка ОАСНТИ-СМ / С.Н. Виноградов, В.И. Глумов, Н.Ю., Русова и др. // Совершенство отраслевой системы научно-технической информации в промышленности строительных материалов: Сборник трудов. Выпуск 21. – М.: ВНИИЭСМ, 1979. – С. 30 – 40. (В соавторстве: С.Н. Виноградов, В.И. Глумов, Н.Ю. Русова, О.А. Ломакина, В.Р. Максимов).

17. Виноградов, С.Н. Семантическая классификация слов с использованием свойств словосочетаний / С.Н. Виноградов // Термин и слово. Межвуз. сб. / Горьковский гос. ун-т им. Н.И.Лобачевского. – Горький, ГГУ, 1979. – С.104 – 109.

18. Виноградов, С.Н. Особенности лингвистического обеспечения отраслевой автоматизированной системы научно-технической информации промышленности строительных материалов / С.Н. Виноградов, В.И. Глумов, О.А. Ломакина, В.Р. Максимов, Н.Ю. Русова // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1981. – №2. – С.11 –15.

19. Виноградов, С.Н. Использование лексико-семантической сочетаемости слов и грамматических категорий для доказательства гипотез о семантике терминов / С.Н. Виноградов // Тезисы докладов научной конференции молодых учёных Горьковской области, посвящённой 110-ой годовщине со дня рождения В.И. Ленина. – Горький: Изд-во ГПИ им. А.А. Жданова, 1981. – С. 122.

20. Виноградов, С.Н. Методологические принципы и методические приёмы установления парадигматических связей между лексическими единицами дескрипторного ИПЯ / С.Н. Виноградов, Н.В. Рубцова, Н.Ю.Русова и др. // Тезисы докладов Всесоюзного научно-технического симпозиума «Диалоговые и фактографические системы информационного обеспечения», 7 – 9 апреля 1981 г. – Суздаль, М.: 1981. (В соавторстве: Виноградов С.Н., Рубцова Н.В., Русова Н.Ю., Ручина Л.И.).

21. Виноградов, С.Н. Проявление неоднозначности терминов при построении информационно-поисковых языков / С.Н.Виноградов // Термин и слово: Межвузовский сборник. – Горький: ГГУ, 1982. - С. 40 – 45.

22. Виноградов, С.Н. Использование лексической сочетаемости для определения смысловой близости терминов / С.Н. Виноградов // Термин и слово: Предметная отнесённость и функционирование терминов. Межвуз. сб. науч. тр. / Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Горький, 1983. – С.75 – 79.

23. Виноградов, С.Н. Опыт изучения лексико-семантической парадигматики терминов (на материале терминологии стекольного производства): Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.01) / Киевский государственный университет им Т.Г. Шевченко. – Киев, 1985. – 21 с.

24. Виноградов, С.Н. Объединение микротезаурусов подотраслей в тезаурус отрасли / С.Н. Виноградов, О.А. Ломакина, В.Н. Немченко и др. // Научно-техническая информация. Серия 2.- 1986. - № 10. - С. 16 – 18. (В соавторстве: Виноградов С.Н., Ломакина О.А., Немченко В.Н., Рубцова Н.В., Русова Н.Ю., Ручина Л.И.).

25. Виноградов, С.Н. О некоторых речевых средствах уточнения семантики терминов / С.Н. Виноградов // IX научная конференция молодых учёных и специалистов Волго-Вятского региона. Тезисы докладов. Часть 1. – Горький: ГГУ, 1989. – С.106.

26. Виноградов, С.Н. Лексико-семантическая сочетаемость терминов как средство описания некоторых категорий формальной логики / С.Н. Виноградов // Термин в научной и учебной литературе. Межвуз. сб. / Горьковский ун-т. – Горький, 1989. – С. 75 – 80.

27. Виноградов, С.Н. Переменные признаки в определении значений некоторых терминов морфемики / С.Н. Виноградов // Лингвистическая терминология в советском языкознании. Тезисы докладов республиканской научной конференции, посвящённой памяти проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород: 1991. – С.17.

28. Виноградов, С.Н. Нечёткость терминологии и её причины (на материале терминологии словообразования) / С.Н. Виноградов // Вопросы терминологии. Межвуз. сб. Под ред. В.Н. Немченко. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. – С.35 – 42.

29. Виноградов, С.Н. Переменные семантические признаки в значениях терминов частей речи / С.Н. Виноградов // Актуальные проблемы современной русистики. Тезисы докладов 2-ой региональной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 1994. – С.17 – 18.

30. Виноградов, С.Н. Терминология лингвистики как средство и объект описания / С.Н. Виноградов // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения: Тезисы межгосуд. конференции, посвящённой 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород: 1996. – С.40 – 41.

31. Виноградов, С.Н. Функционально-идеографический принцип описания семантики текста (на материале писем русских писателей) / С.Н. Виноградов // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами: Тезисы докладов междунар. конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 1997. – С.7 – 8.

32. Виноградов, С.Н. Синтетическая форма сравнительной степени в системе частей речи / С.Н. Виноградов // Грамматические категории и единицы (синтагматический аспект): Материалы международной конференции. – Владимир, 1997. - С. 47 – 48.

33. Виноградов, С.Н. Описание значения термина «морфема» с помощью набора переменных признаков / С.Н. Виноградов // Термин и слово. Межвуз. сб. / Нижегородский ун-т. – Нижний Новгород, 1997. – С.49 – 56.

34. Виноградов, С.Н. Терминологическая многозначность типа «область языка – раздел языкознания» с точки зрения механизма номинации / С.Н. Виноградов // Актуальные вопросы русистики и общего языкознания. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999в. – С.98 – 103.

35. Виноградов, С.Н. Организация языкового материала в функционально-идеографическом словаре / С.Н. Виноградов // А.С. Пушкин и русский литературный язык в XIX – XX вв. Тезисы докладов междунар. научной конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский лингвистический университет им. Н.И. Добролюбова, 1999б. – С.55 – 57.

36. Виноградов, С.Н. Функционально-идеографическое описание речевого стиля сочинения на литературную тему / С.Н. Виноградов // Актуальные проблемы современной русистики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти В.И. Чернова. В двух частях. Часть первая. – Киров: Кировский гос. пед. ун-т, 2000б. – С.52 – 53.

37. Виноградов, С.Н. Моделирование понятий с помощью морфологической структуры терминов / С.Н. Виноградов // Теория языкознания и русистика: Наследие Б.Н. Головина и современность. Сб. статей и материалов междунар. науч. конф., посвящённой 85-летию проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород: Изд-во Нижег. ун-та, 2001. – С.52 – 53.

38. Виноградов, С.Н. Образы материальных объектов в семантической терминологии / С.Н. Виноградов // Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конференция, посвящённая 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4 – 6 октября 2004 года): Труды и материалы / Казан. гос. ун-т / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004б. – С.209 – 210.

39. Виноградов, С.Н. Функционирование языка и взгляды Н.Д. Русинова на саморегулирование языковой системы / С.Н.Виноградов // Русский язык: история и современность: Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию проф. Н.Д. Русинова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004в. – С.9 – 11.

40. Виноградов, С.Н. Некоторые аксиологические аспекты языкового выражения научного понятия / С.Н.Виноградов // Научное наследие Б.Н.Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 90-летию профессора Б.Н.Головина. - Н.Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. - С.101 – 103.

41. Виноградов, С.Н. Лексические повторы и понятийное содержание поэтического текста / С.Н.Виноградов // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2006. - С.260 – 265.

42. Виноградов, С.Н. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов / С.Н.Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. - № 6. - С. 265 – 269.

43. Виноградов, С.Н. Моделирование при интерпретации знака в семиозисе / С.Н.Виноградов // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Кон-

цепция. Текст: Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля – 1 марта 2007 г.). - М., НИВЦ МГУ, 2007. - С.18 – 19.

44. Виноградов, С.Н. К лингвистическому пониманию ценности / С.Н.Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С.93 – 97.

45. Виноградов, С.Н. Текстовый лексический выбор как отражение проблемной ситуации / С.Н.Виноградов // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции, г. Казань, 20 – 22 мая 2008 г.: в 2 ч. / Казан.гос. ун-т, филол. фак.,; отв. ред. Э. А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 182 – 184.

46. Виноградов, С.Н. Некоторые особенности лексических повторов в текстах сходной тематики / С.Н. Виноградов // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвящённый 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. – Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. – С. 39-44.